

Принципы формирования «идеального государства» в религиозном экстремизме: новый социальный порядок

Т. В. Излученко

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Сибирский федеральный университет. Россия, г. Красноярск.
ORCID: 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko@mail.ru

Аннотация. Религиозный экстремизм рассматривается в качестве организованной социальной деятельности людей, объединенных религиозно-политической идеологией и совершающих действия, направленные на изменение сложившегося социально-политического устройства. Целью работы является выявление принципов конструирования религиозными экстремистскими организациями моделей социального устройства идеального государства. Религиозные экстремистские организации исследуются в рамках структурного функционализма. Подходами когнитивного религиоведения объясняется происхождение экстремистских идей. Осуществляется структурный анализ разработанных социальных моделей будущих государств. Демонстрируются попытки реализации основных положений экстремистской идеологии в социальной реальности.

В соответствии со спецификой деятельности экстремистских организаций осуществляется трансформация естественных свойств религиозного сознания и преобразуется религиозная традиция. Религиозность позволяет противоправным действиям придавать статус «святости». При этом организации позиционируют свою деятельность как возрождение и сохранение первоначального вероучения. Разрабатываются идеологии, которые включают аксиологические и этические положения, мировоззренческие установки и специфические модели социальных отношений. Они претендуют на статус социально-философских концепций, включают когнитивные, социальные, политические, национально-культурные, правовые и религиозные компоненты. На основе их положений конструируются модели политического режима и социальной политики, подкрепляемые мифологизированными историческими событиями и эсхатологическими ощущениями. Основными принципами социальной политики провозглашаются справедливость и всеобщее равенство.

Экстремистские организации отмечают, что осуществляют свою деятельность на их основе. Однако данная социально-политическая модель является утопией и не может быть реализована. Основной причиной выступает наличие структурной иерархии, при которой руководство преследует политические цели и собственные интересы. При этом рядовые участники, являясь убежденными в истинности религиозных предписаний и требований своих духовных лидеров, не отделяют вероучение от идеологии. В итоге они совершают противоправные действия, позиционируемые руководством исполнением религиозных предписаний.

Разграничение религиозной традиции и идеологии, характеристика порядка конструирования и практик реализации идеального государства позволяет оптимизировать меры противодействия религиозному экстремизму.

Ключевые слова: религия, религиозный экстремизм, религиозная экстремистская деятельность, критерии экстремизма, модель социальной политики.

Современные процессы глобализации вызывают противоречивые феномены в социально-политической и духовной сферах, корректируют мировоззренческие установки. Происходящие изменения отражают потребность в социальной мобильности и активном участии в решении социально-политических задач. Духовная сфера предоставляет содержательное наполнение данной деятельности, проявляясь в создании политизированных идеологий на основе религиозных идей. Зачастую это приводит к возникновению синкретических религиозных верований, а также к совершению насильственных и противоправных действий [6, с. 151]. Религиозный экстремизм выступает социальным феноменом, в рамках которого реализуется желание создать отличную от существующих политических режимов и форм правления организацию общества. При этом будущее государство позиционируется справедливым и идеальным обществом, создание которого является священной обязанностью, а право на проживание в котором – высшей наградой. Содержание моделей социальных отношений и социальной политики обосновывается принципами той или иной религиозной традиции, а также политическими целями экстремистской организации.

Исследование религиозной экстремистской деятельности в России происходит в правовом аспекте с предоставлением юридической оценки, указанием противоправного характера и предложением совершенствования антиэкстремистского законодательства [2]. Религиозный экстремизм рассматривается в качестве деструктивного социального явления, вызванного различного рода социальными, политическими, криминогенными, экономическими и духовными предпосылками [3; 8]. Противодействие включает меры профилактики в информационной и образовательной сферах посредством культурных, патриотических и нравственных ценностей, а также ужесточения юридических норм. Однако чрезмерное принуждение со стороны государства может спровоцировать рост радикализации и насилия [19]. Для создания конструктивных государственно-религиозных отношений необходимо разграничивать религиозную традицию, противоправную деятельность и девиантное поведение.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации важным представляется выявление принципов конструирования идеологических положений и мировоззренческих установок религиозным экстремизмом, посредством которых создаются альтернативные версии социально-политического устройства. Это позволит выявлять деструктивные проявления, классифицировать их с правовой позиции, отделяя от иных форм противоправных действий и девиантного поведения. В соответствии с этим скорректировать направления политики и увеличивать степень адекватности управленческих действий.

Методология исследования религиозных экстремистских организаций осуществляется структурно-системным анализом в рамках структурного функционализма. Данные объединения представляются совокупностью людей, обладающих специфическими мировоззренческими и религиозными установками, взаимосвязанно действующих и образующих целостную систему, отличающуюся от иных функциональным назначением и идеологическими основаниями. Подходами когнитивного религиоведения, в частности концепцией «ошибочной экспансии», объясняется возникновение и распространение экстремистских идей в религиозном сознании.

Механизмы преобразования религиозной традиции экстремистской идеологией. Экстремизм включает идеологию, деятельность и организацию. Он проявляется в моделях поведения и мышления носителей религиозного экстремистского сознания, которые обусловлены когнитивными особенностями и социально-философскими, богословскими положениями идеологии, что признаются экстремистскими на территории России. Экстремистские идеи, обладая ложным содержанием и не подкрепляясь доказательствами, не могут быть реализованы. Они являются ограниченными и порочными по причине непринятия альтернатив и негативных последствий для социума [23]. Экстремизм мотивирует людей отказываться от исполнения гражданских обязанностей и совершать противоправные действия [26].

Религия удовлетворяет потребности в эмоционально-психологической помощи, а также контролирует отношение к жизни и смерти [30]. Она устанавливает бинарные позиции правильности и неправильности [11]. Религиозная традиция формирует своеобразную культуру и состоит из действующих в определенных ситуациях по установленным моделям поведения субъектов (представителей). При изменении социальных условий происходит выработка новых культурных элементов. Они выступают адаптивными механизмами для некоторых людей, провоцируя формирование их идентичности [20] с последующим отделением от представителей религиозной традиции. В результате формируются организации, основывающиеся на преобразованной религиозной традиции, но преследующие отличные цели. Социальная ориентация, политические установки и предрассудки участников формируются под влиянием авторитетных мнений и социальной группы [14].

Религия используется в качестве обретения коллективной идентичности. Люди присоединяются к той или иной религиозной организации не только и не столько по причине разделения философско-богословских положений. Участие дает им чувство солидарности и возможность освободиться от нежелательного «Я». Принадлежность вызывает, с одной стороны, групповую идентичность, а с другой стороны, формирует маркеры статистической дискриминации. У представителей одной религиозной организации отмечается межличностное сродство и взаимное доверие между собой [15].

Экстремистская организация усиливает эффекты религиозности, провозглашая превосходство, исключительность своих участников и дискриминацию иных людей, межгрупповую предвзятость. Религиозная нетерпимость, присутствующая в религиозной доктрине, используется для обоснования насилия. Адаптация происходит на основе интеллектуальной и психологической сопричастности. Религиозный экстремизм базируется на определенной религиозной

традиции, идеях отрицания господствующих в обществе ценностей и включает призывы к их устранению [5]. Стоит отметить, что, несмотря на наличие указание национального, этноконфессионального и религиозного экстремизма, все они содержат указание на политическую составляющую [4]. Они придают содержательное наполнение, маскируя политизированность организации и акцентируя внимание на национальных или религиозных положениях. Религиозный экстремизм есть отрицание сложившихся в обществе религиозных ценностей и догматических устоев, агрессивная пропаганда противоречащего им мировоззрения, возбуждение вражды и ненависти внутри и между религиями, а также проявление фанатизма, которое характеризуется стремлением навязать свои убеждения любыми средствами [7].

В рамках формирования идеологии экстремистской организации, претендующей на статус социально-философской концепции и сконструированной под определенные политические цели [27], происходит преобразование религиозной традиции. Религиозные идеи корректируются посредством герменевтических приемов авторитетными участниками в рамках политической идеологии. Распространение идеологических положений обуславливается усилиями участников в убеждении иных в исключительности конкретных идей. При этом сила убеждений зависит от личной коммуникабельности, а энтузиазм мотивирует к совершению действий, близких к религиозному фанатизму [17]. Именно наличие таких людей позволяет идеологии позиционироваться истинной. Конечное состояние представляется статистическим пределом, включающим все желаемые ситуации, в котором для придания реалистичности осуществляется отбор конфигураций [25].

Посредством преобразованной религиозной традиции происходит обоснование необходимости новой модели социальной политики и социально-политического устройства, которая должна основываться на религиозных принципах, описанных в священных текстах и проиллюстрированных священной историей. Присутствующие в религиозной традиции компенсаторные, мировоззренческие и манипулятивные элементы используются экстремизмом для создания и распространения экстремистских идей, удовлетворяя потребности и соответствуя интересам некоторых участников (руководства). По этим причинам нередко религиозный экстремизм и политическая идеология отождествляется с культурными конгруэнтными и доброкачественными религиозными верованиями.

Принципы конструирования религиозным экстремизмом социальной политики в моделях будущего идеального государства. Религиозные экстремистские организации можно рассматривать элементами социальной политики государства. Они являются субъектами противоправной формы деятельности, особенностями которых выступают содержание религиозных элементов, позиционирование исключительности участников и интерпретация своей деятельности как священной миссии по построению «Царства Божьего». Система ценностей и виды деятельности (социальные ритуалы), образ человека и состояния его сознания (когнитивные процессы), основанные на идеях уникальности и исключительности, являются составляющими элементами экстремистской идеологии.

Религиозные экстремистские организации разрабатывают свои модели социальной политики и стремятся к их реализации в существующем государстве. Они, отмечая свою роль защитников общественных прав и свобод, социальной справедливости, позиционируют свои концепции как отвечающие потребностям всех членов общества вне зависимости от религиозной принадлежности. Их содержание учитывает представления о справедливости, равенстве и свободе как личной, так и экономической. Предполагается, что идеальное государство будет отвечать интересам всех своих граждан в социально-политической (свобода и равенство), экономической (достойный уровень жизни) и духовной (наличие смысла жизни и самосовершенствование) сферах. Однако по существу данные концепции являются утопичными, представляя собой совокупность идеализированных политических и социальных идей [16]. Стратегия реализации и механизмы управления идеологами не прорабатываются. Данные модели, имея достаточно абстрактное выражение и допуская свободу интерпретаций, позволяют представления каждого человека о справедливости включать в них.

Реализация религиозных экстремистских идеологий представляется возможной только в рамках религиозного государства, в основе правовой системы которого будут находиться религиозные нормы. В связи с этим выделяются следующие признаки экстремистской идеологии. Первый – стремление утвердить власть одной религии на всей территории будущего государства. Второй – деятельность, направленная на изменение социально-политического положения, с целью создания клерикального государства. Третий – навязывание в качестве

государственной религии своего учения. Основным методом выступает принуждение представителей иных религиозных убеждений к своей идеологической системе при замене существующих правовых норм. Идея справедливого общества возникает в условиях противоречия должного (идеальное государство), и сущего (существующего социально-политического устройства). Это приводит к конструированию иной реальности, разработке альтернативных онтологических версий, согласно которым сущее полностью противоположно должному.

Экстремистские организации устраняют эти несоответствия, отмечая свою исключительную роль. Так, террористическая организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» указывает целью своей деятельности восстановление исламского теократического государства (халифата), в котором будут устранены смертельные пороки современного общества посредством повсеместного установления исламистских норм. Оно позиционируется как естественное завершение исторического развития человечества, прошедшего этапы пророчества пророка Мухаммеда, первого халифата, монархий и деспотичных правлений. Социальная политика подразумевает разделение людей: а) на полноправных граждан; б) людей, получивших право жить и работать, и в) граждан иных государств, с которыми заключен договор. Собственность должна быть как государственной, так и частной. Однако для снижения дифференциации по экономическому признаку накопление средств без их использования будет запрещено.

Религиозные экстремистские идеологии содержат элементы мифологии. Миф используется для формирования необходимого мировоззрения, конструирования альтернативной социальной реальности и интерпретации исторических процессов. Участники ликвидированного религиозного объединения «Свидетели Иеговы» наделяют разрушительные процессы в мире и глобальные проблемы человечества мистическим смыслом в контексте эсхатологических представлений [1, с. 118]. Зачастую образ некоторых руководителей подвергается мифологизации. Им приписывают исключительные свойства и поступки, которые свидетельствуют об их святости и особой роли. Кроме того, жизнь и смерть таких людей позиционируется примером для остальных. Для террористической организации «Исламское движение Узбекистана» личность руководителя Тахира Юлдашева представляется примером стойкости и сочетанием всех идеальных черт, а все его выступления – боговдохновенными.

Религиозные экстремистские организации стремятся визуализировать предлагаемую идеализированную модель социально-политических отношений в своей деятельности. Несмотря на провозглашенное равенство и возможность всеми участниками занимать руководящие посты, наблюдается жесткая иерархия, основывающаяся на исполнении воли священного. Социальный статус внутри организационной иерархии и функциональные обязанности, период нахождения/присутствия, количество и значимость совершаемых действий определяют уровень свободы. Она проявляется в возможности принимать самостоятельно решения относительно своей жизни (место работы и учебы, брак) и личностного развития, а также совершать действия, которые могут не соответствовать идеологии. Привилегированное положение занимают люди, которые отмечены священным. Они получают доступ к административной и духовной власти, право на интерпретацию текстов и событий. Следовательно, те участники, которые не получают одобрения со стороны священного в лице руководства, ограничены в управлении и свободе принятия решений.

Формирование религиозного экстремистского сознания. Религиозный экстремизм манипулирует религиозностью, идеей священного. В результате чего поклонение и исполнение религиозного долга отождествляется с экстремистской деятельностью. Происходит ошибочная экспансия (ex-aptation) религиозных убеждений посредством реализации способности к социальной трансцендентной деятельности. Экстремистские идеи возникают при повторном использовании когнитивных структур, эволюционно сложившихся с иными целями. Складывающиеся религиозные убеждения формируют соответствующие этические нормы, а воображение позволяет человеку представить возможные сценарии будущего и определить вероятность их реализации. Выбор между ними осуществляется на основе аффективной коннотации в ходе работы нейропсихологических структур [9].

Характеристика такого религиозного сознания включает два аспекта. Первый, когнитивный, подчеркивает происхождение экстремистских идей отклонениями в естественной работе когнитивной системы, вызванными неудовлетворенностью потребностей психологической средой [24]. Когнитивные процессы направляются на убежденность в истинности идеологии и обоснование правильности выбранного пути [28], а также религиозность, проявляющаяся в предании совершаемым действиям святости, иррациональном осознании

высшей инстанции, мнение которой противоречит позиции правоохранительных органов. Второй, структурно-функциональный, указывает на несоответствие поведения человека своей статус-роли в обществе, что признается девиантным поведением.

У участников религиозных экстремистских организаций отмечаются поляризация и расщепление мыслительных процессов. Происходит формирование предубеждений, согласно которым человек гордится принадлежностью к определенной группе, что вызывает радикализацию деятельности, вплоть до совершения террористических актов [22]. Участниками нередко становятся люди, склонные к крайним воззрениям и неприятию альтернатив. Однако только внутри данных организаций их мировоззренческие установки, психологические склонности получают экстремистское оформление. Организации эксплуатируют склонности таких людей, развивают их в необходимом для себя направлении и корректируют поведение. Стоит отметить, что не все люди, обладающие данными признаками, являются экстремистами.

Возникновение повторяющихся религиозных феноменов объясняется специфической работой когнитивной системы. Религиозные репрезентации, являясь эксплицитными контринтуитивными и имплицитными интуитивными аспектами сознания, создают нарушения в рамках одной онтологической категории и перестановку репрезентации. Они становятся более востребованными и захватывают внимание [13]. В этом проявляется мнемоническое преимущество. Идеологические положения религиозного экстремизма основываются на реальных фактах, характеристиках, свойственных онтологическим категориям, но добавляют в них некоторые иные интерпретации, противоестественные элементы. Им, чтобы быть принятыми сознанием, необходимо соблюдать баланс – не быть слишком фантастичными, но и содержать контринтуитивность. Так, сформированная модель идеального государства, характеризующая систему управления и социального контроля, которая дана священным, является предпочтительнее, чем существующие. Предлагаемый общественный порядок воспринимается естественным [21].

Данные по когнитивным процессам, религиозным и политическим предпочтениям, культурному воспитанию личности, а также иная демографическая, социальная и экономическая информация могут использоваться для идентификации, классификации и профилирования образа участника религиозных экстремистских организаций. В рамках проекта Empirical Assessment of Domestic Radicalization (EADR) в США была создана база данных по радикалам (PIRUS). Все данные разбиты на группы: личные, демографические, социально-экономические, радикальные группы, идеология радикализации и экстремистская деятельность. Манипулятивный и деструктивный характер религиозного экстремизма представляется прямым результатом религиозного фундаментализма [12]. Ментальные конструкции социальных консерваторов схожи с психологическими состояниями экстремистов [29, с. 75]. Экстремисты обладают идентифицируемыми информационными паттернами и поведенческими чертами, которые позволяют отличать их по идеологическим мотивам от других радикалов [10].

Религиозный экстремизм направлен на совершение «сверх» изменений, как в религиозном, так и политическом плане посредством преобразования религиозной традиции и изменения социально-политического устройства. Они позиционируются возвратом или установлением идеального социального порядка, совершенной политической системы. Идеологические положения вступают в конфликт с существующим конституционным строем, провоцируют совершение девиантных действий и, как следствие, придает деятельности противоправный характер. При провозглашенной социальной модели, основанной на принципах справедливости и равенстве, на самореализации и поддержании личностного роста, все ресурсы организаций направляются на убеждение в истинности идеологии, мифологизацию мировоззрения и укрепление дихотомической позиции «Свой-Чужие». При этом механизмы контроля и управления, действующие посредством системы запретов и ограничений, остаются скрытыми.

На основании выше сказанного нами обозначаются основные компоненты конструирования религиозным экстремизмом моделей социального порядка будущего идеального государства: а) религиозные – элементы преобразованной религиозной традиции; б) социальные – структурные взаимосвязи; в) политические – система управления; г) правовые – классификация с позиции юриспруденции; д) национально-культурные – компоненты традиционной культуры участников и е) когнитивные – специфическое мышление. В совокупности с политическими целями они формируют целостную систему религиозного экстремизма, предлагающую и стремящуюся установить повсеместно альтернативную модель социаль-

но-политического устройства. Характеристиками указываются мифологизация идеологии, преобразование религиозной традиции, наличие идей исключительности и превосходства, формирование иерархичных отношений и ложных представлений о свободе личного выбора участников.

Список литературы

1. Горюнов Д. В. Новые миссионерские практики религиозного объединения «Свидетели Иеговы» // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2017. № 1. С. 116–119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29930624>.
2. Оганесян С. С., Михайлов В. К. Проблемы правового содержания права на свободу совести и вероисповедания, а также определение религиозного экстремизма // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 27–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25139796>.
3. Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 1. С. 177–184. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21366321>.
4. Сергун Е. П. Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. 2013. № 1. С. 99–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19061601>.
5. Хаустова Н. А. Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма // Вестник Полесского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 47–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35032914>.
6. Хулап В. Уголовное законодательство Германии в сфере религии: история и современные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 150–171. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-2-150-171>.
7. Шевелев К. Н. Криминологические меры противодействия молодежному экстремизму в России // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 6. С. 132.
8. Яхьяев М. Я. К вопросу об экстремизме в исламе // Исламоведение. 2015. № 2. С. 64–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24082984>.
9. Agnati L., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // Neurology, Psychiatry and Brain Research. 2017. Vol. 23. Pp. 43–53. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.npbr.2016.12.002>.
10. Al-Zewairi M., Naymat G. Spotting the Islamist Radical within: Religious Extremists Profiling in the United State // Procedia Computer Science. 2017. Vol. 113. Pp. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.08.336>.
11. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 4 (10). Pp. 345–355.
12. Bhugra D., Ventriglio A., Bhui K. Acculturation, violent radicalisation, and religious fundamentalism // The Lancet Psychiatry. 2017. Vol. 4 (3). Pp. 179–181. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(16\)30357-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30357-1).
13. Boyer P. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. N.-Y. : Basic Books. 2001. 375 p.
14. Chirumbolo A., Leone L., Desimoni M. The interpersonal roots of politics: Social value orientation, socio-political attitudes and prejudice // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 91. Pp. 144–153. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.001>.
15. Chuah S., Gächter S., Hoffmann R., Tan J. Religion, discrimination and trust across three cultures // European Economic Review. 2016. Vol. 90. Pp. 280–301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2016.03.008>.
16. Coates Jo. Utopia – An obsolete concept // Tech logical Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 113. Pp. 110–111. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.10.057>.
17. Craggs R., Geoghegan H., Neate H. Managing enthusiasm: Between “extremist” volunteers and “rational” professional practices in architectural conservation // Geoforum. 2016. Vol. 74. Pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2016.05.004>.
18. Dey P., Lehner O. Registering Ideology in the Creation of Social Entrepreneurs: Intermediary Organizations, «Ideal Subject» and Promise of Enjoyment // Journal of Business Ethics. 2017. Vol. 142 (4). Pp. 753–767. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3112-z>.
19. Everton S. Social Networks and Religious Violence // Review of Religious Research. 2016. Vol. 58 (2). Pp. 191–217. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13644-015-0240-3>.
20. Hornsey M. Dissent and deviance in intergroup context // Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 11. Pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2016.03.006>.
21. Karoui M., Duzert A., Leidner D. Strategies and symbolism in the adoption of organizational social networking systems // The Journal of Strategic Information Systems. 2015. Vol. 4 (1). Pp. 15–32. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2014.11.003>.
22. Khalil R., Richa S. On cognitive debiasing and the judgment of suicide-attackersÀ propos de la correction du biais cognitif et du jugement des agresseurs-suicidaires // L'Encéphale. 2018. In Press. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.encep.2018.01.002>.

23. *Leeuwen N.* Religious credence is not factual belief // *Cognition*. 2014. Vol. 133 (3). Pp. 698–715. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.015>.
24. *Michel J., Hargis M.* What motivates deviant behavior in the workplace? An examination of the mechanisms by which procedural injustice affects deviance // *Motivation and Emotion*. 2017. Vol. 41 (1). Pp. 51–68. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11031-016-9584-4>.
25. *Nonnenmacher V., de Oliveira L., Villamil M., Bodmann B.* Modeling and Visualization Individual and Collective Opinions Towards Extremism in a Society // *Procedia Computer Science*. 2014. Vol. 29. Pp. 2412–2421. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2014.05.225>.
26. *Rakhimbekov M.* Theoretic and legal approaches to the definition of religious extremism // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018. Vol. 9 (1). Pp. 249–253. URL: https://econpapers.repec.org/article/srsjarle0/v_3a9_3ay_3a2018_3ai_3a1_3ap_3a249-253.htm.
27. *Rocha Costa A.* Situated Ideological Systems: a Formal Concept, a Computational Notation, Some applications // *Axiomathes*. 2017. Vol. 27. Pp. 15–78. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10516-016-9293-3>.
28. *Sleegers W., Proulx T., Beest I.* Extremism reduces conflict arousal and increases values affirmation in response to meaning violations // *Biological Psychology*. 2015. Vol. 108. Pp. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2015.03.012>.
29. *Stankov L.* Psychological processes common to social conservatism and terrorism // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 120. Pp. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.029>.
30. *Turpin J.* *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. By Mark Juergensmeyer. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 316 // *American Journal of Sociology*. 2001. July: 234–235.

Principles of forming an "ideal state" in religious extremism: a new social order

T. V. Izluchenko

PhD of Philosophical Sciences, associate professor of the Department of philosophy,
Siberian Federal University. Russia, Krasnoyarsk. ORCID: 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko@mail.ru

Abstract. Religious extremism is considered as an organized social activity of people united by religious and political ideology and performing actions aimed at changing the established socio-political structure. The purpose of the work is to identify the principles of construction by religious extremist organizations of models of the social structure of the ideal state. Religious extremist organizations are investigated within the framework of structural functionalism. The approaches of cognitive religious studies explain the origin of extremist ideas. The structural analysis of the developed social models of future states is carried out. Attempts to implement the main provisions of extremist ideology in social reality are demonstrated.

In accordance with the specifics of the activities of extremist organizations, the transformation of the natural properties of religious consciousness is carried out and the religious tradition is transformed. Religiosity allows illegal actions to give the status of "Holiness". At the same time, the organizations position their activities as the revival and preservation of the original creed. Ideologies are developed that include axiological and ethical positions, worldview attitudes and specific models of social relations. They claim the status of socio-philosophical concepts, include cognitive, social, political, national-cultural, legal and religious components. On the basis of their provisions, models of political regime and social policy are constructed, supported by mythologized historical events and eschatological sensations. Justice and universal equality are the basic principles of social policy.

Extremist organizations note that they carry out their activities on their basis. However, this socio-political model is a utopia and cannot be implemented. The main reason is the existence of a structural hierarchy in which the leadership pursues political goals and their own interests. At the same time, ordinary participants, being convinced of the truth of religious prescriptions and requirements of their spiritual leaders, do not separate the doctrine from the ideology. As a result, they commit illegal actions, positioned by the leadership of the execution of religious prescriptions.

The distinction between religious tradition and ideology, the characterization of the order of construction and implementation of the ideal state allows you to optimize measures to counter religious extremism.

Keywords: religion, religious extremism, religious extremist activity, criteria of extremism, model of social policy.

References

1. *Goryunov D. V.* *Novye missiionerskie praktiki religioznogo ob"edineniya "Svideteli Iegovy"* [New missionary practices of the religious association "Jehovah's Witnesses"] // *Integrativnaya perspektiva v gumanitarnykh naukakh – Integrative perspective in the Humanities*. 2017. No. 1. Pp. 116–119. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29930624>.

2. Oganesyanyan S. S., Mihajlov V. K. *Problemy pravovogo sodержaniya prava na svobodu sovesti i veroispovedaniya, a takzhe opredelenie religioznogo ekstremizma* [Issues of the legal content of the right to freedom of conscience and religion, as well as the definition of religious extremism] // *Pravo i sovremennye gosudarstva* – Law and modern states. 2015. No. 3. Pp. 27–36. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25139796>.
3. Ryazanov D. S. *Religioznyj ekstremizm, religiozno-politicheskij ekstremizm i religioznyj fundamentalizm: obshchee, osobennoe, edinichnoe* [Religious extremism, religious and political extremism and religious fundamentalism: general, special, single] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Politologiya. Religiovedenie* – News of Irkutsk State University. Series : Political Science. Religious studies. 2014. No. 1. Pp. 177–184. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21366321>.
4. Sergun E. P. *Sootnoshenie ponyatiy "vid ekstremizma" i "forma ekstremizma"* [Correlation of the concepts "type of extremism" and "form of extremism"] // *Pravovaya kul'tura* – Legal culture. 2013. No. 1. Pp. 99–105. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19061601>.
5. Haustova N. A. *Ideologicheskie i psihologicheskie aspekty izucheniya religioznogo ekstremizma* [Ideological and psychological aspects of the study of religious extremism] // *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* – Herald of Poles State University. Series : Social and human sciences. 2018. No. 1. Pp. 47–50. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35032914>.
6. Hulap V. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Germanii v sfere religii: istoriya i sovremennye diskussii* [Criminal legislation of Germany in the sphere of religion: history and modern discussions] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, Church in Russia and abroad. 2017. No. 2. Pp. 150–171. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-2-150-171>.
7. Shevelev K. N. *Kriminologicheskie mery protivodejstviya molodezhnomu ekstremizmu v Rossii* [Criminological measures to counteract youth extremism in Russia] // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* – Modern science-intensive technologies. 2013. No. 6. P. 132.
8. Yah'yaev M. Ya. *K voprosu ob ekstremizme v islame* [To the question of extremism in Islam] // *Islamovedenie* – Islamic Studies. 2015. No. 2. Pp. 64–76. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24082984>.
9. Agnati L., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23. Pp. 43–53. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.npbr.2016.12.002>.
10. Al-Zewairi M., Naymat G. Spotting the Islamist Radical within: Religious Extremists Profiling in the United State // *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 113. Pp. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.08.336>.
11. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2018. Vol. 4 (10). Pp. 345–355.
12. Bhugra D., Ventriglio A., Bhui K. Acculturation, violent radicalisation, and religious fundamentalism // *The Lancet Psychiatry*. 2017. Vol. 4 (3). Pp. 179–181. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(16\)30357-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30357-1).
13. Boyer P. *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. N.-Y. : Basic Books. 2001. 375 p.
14. Chirumbolo A., Leone L., Desimoni M. The interpersonal roots of politics: Social value orientation, socio-political attitudes and prejudice // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 91. Pp. 144–153. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.001>.
15. Chuah S., Gächter S., Hoffmann R., Tan J. Religion, discrimination and trust across three cultures // *European Economic Review*. 2016. Vol. 90. Pp. 280–301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2016.03.008>.
16. Coates Jo. Utopia – An obsolete concept // *Technical Forecasting and Social Change*. 2016. Vol. 113. Pp. 110–111. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.10.057>.
17. Craggs R., Geoghegan H., Neate H. Managing enthusiasm: Between "extremist" volunteers and "rational" professional practices in architectural conservation // *Geoforum*. 2016. Vol. 74. Pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2016.05.004>.
18. Dey P., Lehner O. Registering Ideology in the Creation of Social Entrepreneurs: Intermediary Organizations, "Ideal Subject" and Promise of Enjoyment // *Journal of Business Ethics*. 2017. Vol. 142 (4). Pp. 753–767. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3112-z>.
19. Everton S. Social Networks and Religious Violence // *Review of Religious Research*. 2016. Vol. 58 (2). Pp. 191–217. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13644-015-0240-3>.
20. Hornsey M. Dissent and deviance in intergroup context // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. Pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2016.03.006>.
21. Karoui M., Duzert A., Leidner D. Strategies and symbolism in the adoption of organizational social networking systems // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2015. Vol. 4 (1). Pp. 15–32. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2014.11.003>.
22. Khalil R., Richa S. On cognitive debiasing and the judgment of suicide-attackers À propos de la correction du biais cognitif et du jugement des agresseurs-suicidaires // *L'Encéphale*. 2018. In Press. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.encep.2018.01.002>.
23. Leeuwen N. Religious credence is not factual belief // *Cognition*. 2014. Vol. 133 (3). Pp. 698–715. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.015>.

24. *Michel J., Hargis M.* What motivates deviant behavior in the workplace? An examination of the mechanisms by which procedural injustice affects deviance // *Motivation and Emotion*. 2017. Vol. 41 (1). Pp. 51–68. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11031-016-9584-4>.

25. *Nonnenmacher V., de Oliveira L., Villamil M., Bodmann B.* Modeling and Visualization Individual and Collective Opinions Towards Extremism in a Society // *Procedia Computer Science*. 2014. Vol. 29. Pp. 2412–2421. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2014.05.225>.

26. *Rakhimbekov M.* Theoretic and legal approaches to the definition of religious extremism // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018. Vol. 9 (1). Pp. 249–253. Available at: https://econpapers.repec.org/article/srsjarle0/v_3a9_3ay_3a2018_3ai_3a1_3ap_3a249-253.htm.

27. *Rocha Costa A.* Situated Ideological Systems: a Formal Concept, a Computational Notation, Some applications // *Axiomathes*. 2017. Vol. 27. Pp. 15–78. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10516-016-9293-3>.

28. *Sleegers W., Proulx T., Beest I.* Extremism reduces conflict arousal and increases values affirmation in response to meaning violations // *Biological Psychology*. 2015. Vol. 108. Pp. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2015.03.012>.

29. *Stankov L.* Psychological processes common to social conservatism and terrorism // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 120. Pp. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.029>.

30. *Turpin J.* *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. By Mark Juergensmeyer. Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 2000. P. 316 // *American Journal of Sociology*. 2001. July: 234–235.